

Ольга Риви

Вадим Фарг

Майор, стажёры
и

С Новым Годом, пошёл вон!

Майор и стажёры

Вадим Фарг

**Майор, стажёры и С
Новым Годом, пошёл вон!**

«Автор»

2026

Фарг В.

Майор, стажёры и С Новым Годом, пошёл вон! / В. Фарг —
«Автор», 2026 — (Майор и стажёры)

Этой странной команде снова достаются дела, от которых у любого нормального следователя дёрнулся бы глаз. Но когда предновогодний хаос с захватом заложников Дедом Морозом достигает апогея, Истомина понимает: всё это — не просто парад идиотизма. За каждым нелепым преступлением скрывается железная логика невидимого кукловода. Кто-то целый год играет с коррумпированной элитой города в «сапёра», используя самый бесполезный отдел полиции как своё главное и убойное оружие. Это история о том, как здравый смысл, чёрный юмор и старая «Нива» побеждают тотальный абсурд, даже если для этого приходится допрашивать гуся и советоваться с умной колонкой.

Содержание

Глава 1. Двадцать восьмое декабря. Начало конца	5
Глава 2. «Тревожная запонка» и группа немедленного реагирования	8
Глава 3. Место преступления. Запах страха и стыда	12
Глава 4. Адские показания	16
Глава 5. «Орлы» на задании. Операция «Сугроб»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ольга Риви, Вадим Фарг Майор, стажёры и С Новым Годом, пошёл вон!

Глава 1. Двадцать восьмое декабря. Начало конца

Двадцать восьмое декабря в отделе полиции – это особое время. В нормальном мире люди носятся по магазинам в поисках зелёного горошка по акции, закупают шампанское ящиками и верят в чудо. У нас же, в славном городе Подольске, в это время царит атмосфера, которую можно описать фразой: «Тихо, как на кладбище перед зомби-апокалипсисом». Мы не ждём чудес. Мы ждём поножовщину, пьяные драки дедов морозов и семейные скандалы с применением салатниц в качестве ударного инструмента.

Я сидела за своим столом, подперев щеку кулаком, и с тоской смотрела на ёлку в углу кабинета. Это несчастное пластиковое дерево, кажется, облезло ещё во времена дефолта девяносто восьмого года. Иголки с него осыпались даже от громкого чиха, а украшения заслуживали отдельного упоминания в уголовном кодексе. Вместо гирлянды на ветвях висела жёлтая лента с надписью «Оцепление», конфискованная с места прошлогоднего ДТП, а вместо шаров болтались вещдоки из «глухарей»: пара связок ключей от неизвестных квартир, китайские часы без стрелок и, в качестве звезды на макушке плюшевый заяц с оторванным ухом, изъятый у карманника-фетишиста.

– Светлана Игоревна, ну посмотрите же! Это просто космос! – голос Лизы вырвал меня из медитативного созерцания зайца.

Моя стажёрка, Елизавета Сафонова, сидела на полу посреди кабинета, окружённая горой глянцевого журналов, тюбиками клея и ножницами. Её глаза горели тем самым нездоровым энтузиазмом, от которого у меня обычно начинала ныть печень. Она махала передо мной огромным листом ватмана, на который были наклеены вырезки: яхты, пальмы, мешки с долларами и, почему-то, портрет Илона Маска в обнимку с котом.

– Лиза, – я вздохнула так тяжело, что в лёгких, кажется, закончился воздух. – Если это схема ограбления банка, то она слишком яркая. Нас повяжут ещё на этапе покупки билетов на Мальдивы.

– Ну какая схема! – обиженно протянула Лиза, поправляя съехавший набок фиолетовый шарф. – Это Карта Желаний нашего отдела на следующий год! Визуализация успеха! Вот смотрите: в центре раскрываемость сто процентов. Справа мы получаем премию и едем всем отделением в Сочи. А вот тут, в углу я наклеила картинку с Шерлоком Холмсом. Это значит, что мы раскроем мировой заговор!

Я скептически прищурилась.

– Лиза, единственный мировой заговор, который нам светит раскрыть – это сговор дворников не посыпать лёд песком. А вместо Шерлока Холмса к нам, скорее всего, приедет проверка из области. Лучше бы ты наклеила туда новый картридж для принтера и пару выходных.

В этот момент из угла, где стояла наша выдавшая виды кофемашина, раздалось странное жужжание, переходящее в натужный скрежет. Там, в позе эмбриона, скрючился мой второй «подарок судьбы» – гений цифрового мира и лени, Коля Лебедев. Он подключил свой ноутбук напрямую к «внутренностям» агрегата через какой-то жуткий пучок проводов.

– Николай, – позвала я, не меняя позы. – Если ты сейчас взломаешь Пентагон через капучинатор, я тебя лично посажу.

Коля, не вынимая одного наушника, лениво повернул голову. На экране его ноутбука бежали зелёные строчки кода, отражаясь в его очках.

– Какой Пентагон, Светлана Игоревна? Кому он нужен? Я оптимизирую процесс. Эта железка варит помои, а я пытаюсь перепрошить её термодатчик, чтобы она могла варить глинтвейн.

– Глинтвейн? – переспросила я. – На рабочем месте? В казённой кофеварке?

– Безалкогольный, естественно, – Коля даже глазом не моргнул, хотя я прекрасно знала, что у него в рюкзаке припрятан пакет со специями и, возможно, что-то покрепче виноградного сока. – Чисто для поднятия боевого духа и улучшения когнитивных функций. Вам, кстати, тоже полезно будет. А то вы смотрите на этого зайца так, будто планируете его допросить.

– Я планирую допросить того, кто придумал работать тридцать первого числа, – буркнула я. – Оставь машину в покое, Кулибин. Если она взорвётся, ты будешь писать объяснительную на бересте, потому что компьютер я у тебя отберу.

– Не взорвётся, – отмахнулся Коля, нажимая «Enter». – Я поставил ограничитель давления. Теперь она работает на Linux.

Машина издала звук, похожий на вздох умирающего кита, и выплюнула в поддон струю чёрной жижи.

– Ну, почти, – констатировал Коля. – Надо драйвера на помпу обновить.

В кабинете снова повисла тишина, нарушаемая лишь шуршанием Лизиных вырезов и стуком клавиш Коли. Я откинулась на спинку своего продавленного кресла, которое скрипнуло, как старая телега. За окном падал серый, грязный снег, смешиваясь с выхлопными газами.

Идеальный день. Скучный, тягучий, бессмысленный. Я почти начала надеяться, что так и досижу до вечера, заполняя отчёты о краже велосипедов и мечтая о тарелке оливье.

Но у вселенной, как всегда, были на меня другие планы. И эти планы обычно начинались с мерзкого звука.

ПИ-И-И-И-П! ПИ-И-И-И-П!

Звук был резким, пронзительным и шёл не от телефона. Он исходил от пульта дежурного, который был выведен на мой компьютер по старой привычке. Я подскочила в кресле, едва не опрокинув кружку с остывшим чаем.

– Что это? – Лиза выронила ножницы. – Пожарная тревога?

– Хуже, – я уже натягивала свою потёртую кожаную куртку, чувствуя, как внутри просыпается привычный холодок, вытесняя сонливость. – Это «Тревожная запонка».

– Чего? – Коля вынул второй наушник и с интересом уставился на монитор.

– «Тревожная запонка», – повторила я, проверяя табельное. – У нашего любимого полковника Сидорчука, дай бог ему здоровья и таблеток от давления, есть специальный гаджет. Запонка с GPS-маячком и тревожной кнопкой. Ему её подарили на юбилей коллеги, чтобы он чувствовал себя Джеймсом Бондом. Он её носит только на особо важные мероприятия.

– И что этот сигнал значит? – спросила Лиза, уже хватая свой пухлый блокнот.

– Сигнал «Код Красный», – мрачно ответила я. – Это значит либо его взяли в заложники, либо у него кончился коньяк, и он паникует. Но учитывая, что сигнал идёт непрерывно уже десять секунд...

Я глянула на карту на экране. Красная точка пульсировала в самом центре города.

– Ресторан «Золотой Век». Там сегодня закрытый корпоратив городской администрации. Мэр, прокурор, судья и наш драгоценный полковник. Весь цветник в одной вазе.

– Ого! – глаза Лизы расширились. – Захват заложников высшего эшелона? Это же как в фильме «Крепкий орешек»! Может, там террористы требуют вертолёт и миллион долларов?

– Ага, или жалобную книгу, – съязвил Коля, захлопывая крышку ноутбука. – Зная нашу администрацию, скорее всего, кто-то просто отказался платить за устриц.

– Отставить разговорчики, детский сад! – рявкнула я, чувствуя, как к горлу подкатывает раздражение. Прощай, спокойный вечер. Привет, дурдом. – Лебедев, бери всё своё барахло. Если там камеры, мне нужен доступ ещё вчера. Лиза, маркеры и ватман оставь тут. Твоя задача не пускать прессу и не ляпнуть ничего про мировой заговор мэру, если он ещё жив.

– А мы одни едем? – уточнил Коля, накидывая капюшон.

– Группа захвата на выезде в районе Кузнечиков, там кто-то петарду в мусоропровод кинул, – я проверила ключи от своей «Нивы». – Так что да. Спасать элиту города едет самое страшное подразделение полиции Подольска: уставшая женщина, хакер-недоучка и девочка с картой желаний.

Я распахнула дверь кабинета.

– Митяй! – крикнула я в пустоту, обращаясь к колонке, оставшейся на столе. – Запиши в протокол: если я сегодня не вернусь, моего зайца с ёлки завещаю музею МВД.

Синий огонёк колонки мигнул.

– Принято, Светлана Игоревна. Вероятность вашего невозвращения – 0,02 %. Вероятность того, что полковник Сидорчук случайно нажал кнопку животом 89 %. Удачи.

– Спасибо, железка. Ты, как всегда, полон оптимизма.

Мы выбежали в коридор. Двадцать восьмое декабря перестало быть томным. Начался цирк.

Глава 2. «Тревожная запонка» и группа немедленного реагирования

Моя «Чёрная молния», старушка «Нива» с характером портового грузчика, ревела, как раненый бизон, прокладывая путь через снежную кашу вечернего Подольска. «Крякалка» спецсигнала хрипела, словно у неё был бронхит курильщика с двадцатилетним стажем, а синяя «мигалка» на крыше лениво отбрасывала блики на грязные сугробы. В салоне пахло мандаринами, которые Лиза зачем-то чистила на заднем сиденье.

– Лиза, перестань уничтожать улики праздника! – рыкнула я, закладывая крутой вираж на перекрёстке с улицей Ленина. Машину качнуло, и стажёрка ойкнула, врезавшись плечом в дверцу. – У нас тут боевой выезд, а не пикник на обочине.

– Я стресс заедаю! – возмутилась Сафонова, запихивая в рот сразу две дольки. – Светлана Игоревна, а если там снайперы? А если там бомба? У меня даже бронежилета нет, только пуховик с единорогами!

Я посмотрела в зеркало заднего вида. Глаза у Лизы были по пять рублей, а в руках она сжимала свой блокнот так, будто это был щит Капитана Америки. Рядом с ней, совершенно невозмутимый, как удав после обеда, сидел Коля. Его длинные ноги были упёрты в спинку моего кресла, за что хотелось его стукнуть, а на коленях балансировал раскрытый ноутбук. Экран светился холодным светом, отражаясь в его очках.

– Успокойся, Сафонова, – бросила я, объезжая заглохшую на «аварийке» маршрутку. – Единственная бомба, которая там может быть – это сам полковник Сидорчук после пятой рюмки коньяка. Его «тревожная запонка» срабатывает от резкого движения руки. Скорее всего, он просто слишком эмоционально произносил тост или пытался станцевать лезгинку на столе.

– А если нет? – не унималась Лиза. – Если это захват власти? Переворот?

Я тяжело вздохнула. Двадцать лет в органах научили меня одной простой истине: в России глупость случается чаще, чем заговоры.

– Так, детский сад, слушай боевую задачу, – я сделала голос максимально серьёзным, перекрикивая вой двигателя. – Мы едем в «Золотой Век». Это заповедник, где пасутся неприкасаемые. Мэр, прокурор, судья и прочие «хозяева жизни». Поэтому правило номер один: не отвечать.

– Это как? – Коля оторвался от экрана, приподняв одну бровь.

– Это значит, Лебедев, что если мы врываемся в зал и видим, что там реальный террор, люди в масках и автоматах, то действуем по уставу. Огонь на поражение, прикрытие, вызов «Собр». Всё как в учебнике, который ты, надеюсь, открывал хотя бы раз.

Я сделала паузу, пропуская пешехода, который, судя по походке, начал отмечать Новый год ещё в октябре.

– Но! – я подняла палец вверх. – Если мы врываемся и видим, что прокурор дерётся с официантом из-за тёплой водки, или мэр города пытается оседлать люстру, или наш любимый Сидорчук лежит лицом в салате «Цезарь» мы слепнем и глохнем.

– В смысле? – не поняла Лиза.

– В прямом, Лизавета. Мы делаем вид, что не узнали их. Оформляем как мелкую бытовуху, хулиганство неустановленных лиц. Никаких имён в протоколе, пока я не скажу. Никаких «Господин Мэр, пройдите в патрульную машину». Мы – невидимки. Мы санитары леса, которые тихо убирают мусор и уезжают. Усвоили?

– А если они начнут качать права? – спросил Коля, снова застучав по клавишам. – Кси-вами махать?

– Тогда включаешь дурака, – усмехнулась я. – Твоего любимого. «Извините, гражданин, не признали, освещение плохое, вы так похожи на разыскиваемого рецидивиста Ваську Косого». Им скандал нужен меньше, чем нам премия. Понятно?

– Предельно, – хмыкнул Коля. – Кстати, о плохом освещении. Я сейчас пытаюсь подключиться к камерам наблюдения «Золотого Века». У них там система безопасности стоит... ну, скажем так, её ставил сын маминой подруги владельца. Пароль от админки «123456». Я серьёзно.

– И что там? – я напряглась. Если Коля увидит вооружённых людей, шутки кончатся.

– Странно... – Коля нахмурился, перестав жевать воображаемую жвачку. – Камеры в главном зале работают, но картинка статичная. Похоже на заглушку. А вот камеры на кухне и в коридорах... Пусто. Персонала нет. Вообще никого. Ни поваров, ни охраны.

– Как нет? – удивилась Лиза. – Там же банкет! Кто-то должен омаров подавать.

– Вот именно, – процедил Коля. – Пустые коридоры. И ещё... Взломал аудиосистему. Музыка не играет. Тишина полная.

В животе у меня неприятно заворочался холодок. Тишина на пьяном корпоративе чиновников это страшнее, чем стрельба. Когда эти люди гуляют, слышно за квартал. А тут тишина.

– Значит, всё-таки не лезгинка, – мрачно констатировала я, вдавливая педаль газа в пол. «Нива» жалобно взвыла, но прибавила скорости. – Коля, пиши всё, что удастся выцепить. Любой звук, любое движение. Лиза!

– Я! – стажёрка вытянулась в струнку, насколько позволял салон.

– Твоя задача – периметр. Как приедем, ты не лезешь внутрь. Ты стоишь у входа и делаешь самое страшное лицо, на которое способна. Если появятся журналисты, блогеры, зеваки или доставщики пиццы – всех гнать поганой метлой. Никаких интервью. Никаких стримов. Если кто-то спросит, что происходит, отвечай: «Проводятся плановые учения по дезинсекции тараканов».

– Тараканов? – переспросила Лиза с сомнением. – Может, лучше сказать «антитеррористическая операция»? Звучит солиднее.

– Ага, и через пять минут здесь будет федеральное ТВ, а Сидорчук меня лично расстреляет из наградного пистолета за утечку информации, – отрезала я. – Тараканы, Лиза. Большие, жирные, государственные тараканы. Это, кстати, почти правда.

Впереди показалось здание ресторана «Золотой Век». Это был помпезный особняк с колоннами, лепниной и золотыми львами у входа – эталон цыганского барокко, так любимого нашей элитой. Парковка была забита черными джипами и представительскими седанами с «блатными» номерами. Моя грязная «Нива» на их фоне смотрелась как бомж на приёме у английской королевы.

Я резко затормозила прямо у парадного входа, едва не сбив одного из золотых львов.

– Приехали, – скомандовала я, отстёгивая ремень. – Оружие на изготовку, но с предохранителя не снимать, пока не увидите явную угрозу. Коля, ноутбук не закрывай, будь на связи с Митяем. Лиза, блокнот спрячь, достань пистолет. И ради бога, не перепутай.

– Есть! – хором ответили мои «птенцы».

Мы высыпали из машины в морозный воздух. Вокруг стояла зловещая, ватная тишина. Окна ресторана были плотно зашторены тяжёлыми бархатными портьерами. Ни звука, ни музыки, ни пьяного смеха. Только ветер гонял по парковке пустой стаканчик из-под кофе.

Я положила руку на кобуру. Чуйка, моя старая, проверенная годами подруга, орала благим матом: «Света, это не пьянка! Это какая-то дичь!».

– Коля, – шепнула я, подходя к массивным дубовым дверям. – Что с «запонкой»?

Лебедев глянул на экран смартфона.

– Сигнал пропал три минуты назад. Прямо перед нашим приездом. Либо батарейка села, либо...

– Либо её сняли, – закончила я за него. – Или оторвали вместе с рукой.

– Светлана Игоревна, вы умеете подбодрить, – нервно хихикнула Лиза, озираясь по сторонам.

Я толкнула тяжёлую дверь. Она оказалась не заперта. Мы шагнули в полумрак холла, пахнувшего дорогим парфюмом, еловой хвоей и... страхом.

– Полиция! – гаркнула я так, что хрустальная люстра под потолком жалобно дзенькнула. – Есть кто живой? Или сразу труповозку вызывать?

В ответ тишина. Только где-то в глубине зала скрипнул стул.

– За мной, – кивнула я стажёрам. – И смотрите под ноги. Не наступите на бюджет города.

Мы двинулись к дверям банкетного зала. Я шла первой, чувствуя себя дрессировщиком, который входит в клетку к тиграм, но забыл дома хлыст и мясо. Коля дышал мне в затылок, Лиза семенила сбоку, держа пистолет двумя руками, как в голливудских боевиках.

Я резко распахнула двери.

Картина, которая предстала перед нами, была достойна кисти Репина, если бы Репин писал абсурдистские комедии.

Зал сиял золотом и хрусталём. Столы ломились от деликатесов: чёрная икра, осетрина, какие-то сложные башни из фруктов. Но никто не ел.

Вдоль длинного стола, буквой «П», сидели сливки общества Подольска. Мэр города, похожий на надутую индюку в смокинге. Прокурор с лицом цвета перезрелой свёклы. Судья, вцепившаяся в нитку жемчуга так, что та вот-вот порвётся. И, конечно, полковник Сидорчук.

Мой начальник сидел во главе стола. Его лицо выражало гамму чувств от глубокого унижения до желания убивать. Галстук был сбит набок, манжеты рубашки расстёгнуты, одной запонки, той самой, действительно не было.

Но самое странное было не в этом.

Все они сидели молча, положив руки на колени, как примерные первоклассники. Перед каждым на белоснежной скатерти, прямо поверх тарелок с нетронутыми омарами, лежал тетрадный листок в клеточку и дешёвая синяя шариковая ручка.

– Товарищ полковник? – осторожно позвала я, опуская пистолет. – Мы получили сигнал. Группа захвата на месте. Где террористы?

Сидорчук медленно, словно у него затекла шея, повернул ко мне голову. В его глазах стояли слёзы бешенства.

– Истомина... – прохрипел он голосом, в котором звенела сталь. – Убери пушку. Террористы... ушли. Через чёрный ход. Пять минут назад.

– Ушли? – я растерянно моргнула. – Что они взяли? Деньги? Драгоценности? Секретные документы?

– Они взяли... – мэр города всхлипнул и закрыл лицо руками. – Они взяли нашу гордость!

– Чего? – переспросил Коля из-за моего плеча.

Сидорчук ударил кулаком по столу, да так, что подпрыгнула вазочка с икрой.

– Они заставили нас писать сочинение, Истомина! Сочинение! На тему «Почему я был плохим мальчиком в этом году»! И они... они всё забрали с собой!

В зале повисла звенящая тишина. Лиза позади меня громко икнула. Коля присвистнул. А я почувствовала, что этот Новый год будет самым весёлым в моей карьере. Или самым коротким.

– Сочинение... – повторила я, чувствуя, как уголки губ предательски ползут вверх. – Надеюсь, без грамматических ошибок, товарищ полковник?

– **ВОН ОТСЮДА!** – взревел Сидорчук. – **ИСКАТЬ! НАЙТИ! ПОД ЗЕМЛЁЙ ДОСТАТЬ ЭТИХ... ПЕДАГОГОВ!**

– Есть искать педагогов! – козырнула я и, развернувшись на каблуках, вытолкала ошарашенных стажёров обратно в коридор.

Началось. Операция «С Новым годом, пошёл вон» официально стартовала.

Глава 3. Место преступления. Запах страха и стыда

Знаете, чем пахнет страх? В дешёвых детективах пишут, что он пахнет потом, мочой и адреналином. Ерунда. Настоящий, элитный страх в банкетном зале ресторана «Золотой Век» пах смесью «Шанель № 5», остывшими трюфелями, дорогим коньячным перегаром и... школьной столовой. Да-да, именно так: дешёвой бумагой и чернилами из шариковых ручек за десять рублей. Этот дикий коктейль ударил мне в нос так, что захотелось чихнуть, но я сдержалась. Не по уставу майору чихать на потерпевшую власть.

Все так и продолжали неподвижно сидеть. Картина была эпическая. Представьте себе «Тайную вечерю», только вместо апостолов городская администрация, вместо Христа пустой стул во главе стола, видимо, место Деда Мороза, а вместо святости – тотальное, всепоглощающее унижение.

Двери, как выяснилось, были заблокированы снаружи самой обычной шваброй, просунутой через ручки. Высокотехнологичный терроризм, ничего не скажешь. Когда Коля пинком выбил эту конструкцию, «заложники» даже не шелохнулись. Они сидели, словно приклеенные к своим бархатным стульям, и смотрели в пустоту.

Первым от ступора очнулся мэр, Аркадий Петрович. Человек, который обычно занимал собой всё пространство, будь то трибуна или сауна, сейчас выглядел как сдувшийся воздушный шарик. Его лицо приобрело странный сероватый оттенок, идеально гармонирующий с недоеденной устрицей на его тарелке.

– Светлана Игоревна... – прошелестел он, пытаясь поправить съехавший галстук-бабочку. Руки у него дрожали так, что бабочка превратилась в удавку. – Вы... вы видели их? Они ушли?

– Кто «они», Аркадий Петрович? – я медленно подошла к столу, стараясь не наступать на рассыпанные по паркету салфетки. – Свидетели Иеговы? Налоговая инспекция? Зелёные человечки?

– Дед Мороз... – всхлипнула судья, женщина монументальных размеров с причёской «атомный взрыв на макаронной фабрике». Она сидела, вцепившись в край стола побелевшими пальцами с огромными перстнями. – И Снегурочка. Такая... с указкой.

За моей спиной хрюкнул Коля. Я незаметно наступила ему на ногу каблуком.

– Так, – я достала блокнот, понимая, что этот протокол я буду переписывать раз десять, чтобы он выглядел хоть сколько-нибудь вменяемым. – Давайте по порядку. Двое неизвестных в костюмах сказочных персонажей. Вооружены?

– Словом! – рявкнул полковник Сидорчук.

Мой начальник наконец-то отошёл от шока. Его лицо, до этого бледное, начало стремительно наливаться привычным багровым цветом. Он был похож на вулкан, который решает извергаться лавой прямо сейчас или подождать, пока подойдут туристы.

– Они были вооружены унижением, Истомина! – Сидорчук вскочил, опрокинув бокал с вином. Красное пятно растеклось по скатерти, как кровь убитого бюджета. – Они ворвались сюда, когда мы обсуждали... кхм... стратегии развития города. Заблокировали выходы. Отбрали телефоны. И заставили нас...

Он осекся, глядя на лежащий перед ним листок в клеточку. Обычный двойной листок, вырванный из школьной тетради. Рядом валялась самая дешёвая синяя ручка с обгрызленным колпачком. Такой контраст с золотыми вилками и хрусталём, что глаза резало.

– Заставили писать диктант? – предположила Лиза, выглядывая из-за моего плеча. Глаза у неё горели щенячьим восторгом. Для неё это был лучший новогодний подарок.

– Хуже, Сафонова! – прошипел прокурор, нервно потирая шею. – Сочинение. Тема вольная. «Мои грехи в уходящем году».

– И вы... писали? – осторожно спросил Коля, окидывая взглядом стол. Перед каждым чиновником лежал такой листок. Некоторые были исписаны мелким убористым почерком, на некоторых красовалась лишь пара кривых фраз. Но самих текстов не было. Бумага была девственно чиста, если не считать следов от слёз и капель соуса.

– Мы писали... черновики, – глухо выдавил мэр. – А чистовики... они забрали. Сложили в красный мешок и унесли. Сказали, что отправят в «Небесную канцелярию». Или в газету. Я не помню точно, у меня был стресс!

Я почувствовала, как у меня начинает дергаться глаз.

Ситуация вырисовывалась просто блестящая. Вся верхушка города собственноручно написала компромат на самих себя под дулом... чего?

– Чем они вам угрожали? – я перешла на деловой тон, пытаюсь отсечь эмоции. – Пистолеты? Ножи? Пояс шахида?

В зале повисла неловкая пауза. Чиновники переглянулись.

– У Деда Мороза был посох, – неуверенно сказал мэр. – Тяжёлый. И голос... очень поставленный. Командный. Как у диктора Левитана.

– А у Снегурочки была указка, – добавила судья. – И такой взгляд... Знаете, как у завуча, когда тебя ловят с сигаретой в туалете. Она смотрела на нас и говорила: «Достаём двойные листочки. Время пошло. Кто будет списывать останется на второй год без права переизбрания».

– И это всё? – я скептически подняла бровь. – Два пенсионера с палкой и указкой взяли в заложники десять взрослых мужиков и их охрану? Кстати, где охрана?

– Заперта в подсобке, – буркнул Сидорчук, пряча глаза. – Их Снегурочка туда заманила. Сказала, что там бесплатная дегустация элитного виски.

– Гениально, – выдохнул Коля. – Социальная инженерия уровня «Бог».

– Так, – я захлопнула блокнот. – Лиза, осмотр места происшествия. Ищи всё, что не вписывается в интерьер. Волосы, накладные бороды не в счёт, отпечатки, забытые вещи. Коля, проверь выходы. Если они ушли через чёрный ход пять минут назад, снег ещё не замел следы. А вы, господа... потерпевшие...

Я обвела взглядом этот паноптикум. Мне нужно было их допросить, но я понимала: они сейчас сокрут мне в три короба. Никто из них не признается, что именно он написал в том сочинении.

– Товарищ полковник, – я обратилась к Сидорчуку, понизив голос. – Мне нужно знать содержание похищенных документов. Это может быть мотивом. Шантаж?

Лицо Сидорчука пошло пятнами. Он подошёл ко мне вплотную, обдав запахом дорогого табака и паники.

– Истомина, если ты хоть раз спросишь меня, что я там написал, я тебя уволю. Нет, я тебя расстреляю, а потом уволю. Ты должна найти эти бумажки. Не преступников, плевать на них! Бумаги! Перехватить, сжечь, съесть, мне всё равно. Но чтобы ни одна строчка не попала в прессу. Ты меня поняла?

– Так точно, – козырнула я, чувствуя, как внутри закипает профессиональный азарт пополам с брезгливостью. – Найти и уничтожить. Операция «Цензура».

– Иди работай! – рявкнул он и тут же схватился за сердце. – Ох... Валидол есть у кого-нибудь?

Пока Сидорчука отпаивали кораллом, я отошла к стажёрам. Лиза ползала под столом мэра, что-то высматривая с лупой, откуда у неё лупа?

– Ну что? – спросила я.

– Светлана Игоревна, смотрите! – Лиза вылезла из-под стола, держа в руках какой-то предмет двумя пальцами, как дохлую мышь. – Нашла! Под стулом прокурора.

Это была пробка от шампанского. Но не простая. На ней фломастером был нарисован смайлик. Грустный.

– Улика? – с надеждой спросила Лиза.

– Мусор, – отрезала я. – Прокурор от нервов рисовал, пока сочинение писал. Лебедев, что у тебя?

Коля стоял у окна и задумчиво вертел в руках один из листков с «черновиком».

– Интересная бумага, Светлана Игоревна. Самая дешёвая, «Кондопога», желтоватая. В магазинах такую уже редко встретишь, сейчас всё белое, офисное. Это из старых запасов. Школьных или библиотечных. И ручки... – он поднял одну из синих ручек. – «Erich Krause», модель R-301. Классика. Любимое оружие учителей. Пишет мягко, не мажет, хватает на проверку трёхсот тетрадей.

– К чему ты клонишь?

– К тому, что это не спонтанный налёт, – Коля поправил очки. – Это методически подготовленная акция. Они принесли свои инструменты и знали психологию жертв. Посмотрите на них. Они не напуганы насилием. Они раздавлены авторитетом. Кто может заставить мэра почувствовать себя двоечником?

– Учительница первая моя? – хмыкнула я.

– Именно. И ещё... – Коля указал на пульт управления кондиционером на стене. – Температура в зале +18. Обычно на банкетах делают теплее. А тут свежо. Чтобы мозги лучше работали. Стандарт СанПиНа для учебных классов.

– Ты хочешь сказать, что нас ограбили педагоги-методисты? – я скептически оглядела зал. – Банда «МарьВанна»?

– Я хочу сказать, что в этом деле больше литературы, чем криминала, – философски заметил Коля.

В этот момент дверь подсобки с грохотом распахнулась. Оттуда вывалились трое охранников – здоровенные лбы в чёрных костюмах. Вид у них был виноватый и слегка осоловелый. От них разило не элитным виски, а чем-то подозрительно напоминающим клофелин.

– Мы... это... – начал старший охраны, глядя в пол. – Там бабушка была... Снегурочка. Она сказала, угостит. Настойкой на кедровых орешках. Мы только по глоточку...

Сидорчук взвыл раненым бегемотом.

– Убрать! – заорал он. – Убрать этих алкоголиков с глаз моих! Истомина, почему ты ещё здесь?! Я дал приказ! Ищи мои мемуары!

– Уходим, – скомандовала я своим «птенцам». – Здесь ловить нечего, кроме нервного тика. Нам нужно на воздух. Там, где следы не пахнут омарами.

Мы вышли из душевного зала в холодный коридор.

– Светлана Игоревна, – тихо спросила Лиза, пряча свою лупу. – А что, правда, если эти сочинения опубликуют, будет плохо?

– Лиза, – я остановилась и посмотрела на неё. – Если эти сочинения опубликуют, в городе сменится власть, половина сядет, а мы останемся без работы. Но зато это будет самое честное чтиво года.

– Так может... не стоит торопиться их искать? – хитро прищурилась она.

– Сафонова, ты сейчас рассуждаешь как анархист, а не как младший лейтенант. Искать будем. Но... – я усмехнулась. – Как говорится, поспешай медленно. У нас ещё осмотр периметра, проверка камер и опрос свидетелей. Дел по горло. А почта России, как известно, работает непредсказуемо.

– Понял, – ухмыльнулся Коля, захлопывая ноутбук. – Включаю режим «тщательной имитации бурной деятельности».

– Вот и молодец. А теперь на улицу. Искать следы Деда Мороза. Надеюсь, он уехал не на оленях, а на чём-то, что имеет регистрационный номер.

Мы вышли в морозную ночь. Операция по спасению репутации городских грешников переходила в активную фазу. Но запах страха и дешёвых чернил, казалось, въелся в мою кожаную куртку намертво.

Глава 4. Адские показания

Никто не врёт так самозабвенно, так вдохновенно и так бездарно, как напуганный чиновник, у которого рыльце не просто в пушку, а в целом сугробе. Я стояла посреди банкетного зала ресторана, глядя на «цвет нации» города Подольска, и чувствовала себя воспитательницей в детском саду для особо одарённых детей, которые только что коллективно разбили дорожную вазу и теперь дружно утверждают, что это сделала пробежавшая мимо кошка.

Только вместо вазы была их репутация, а вместо кошки Дед Мороз с уклоном в социалдарвинизм.

– Так, – я постучала ручкой по чистому листу протокола. Звук получился гулким и неприятным. – Давайте ещё раз. И желательно в одной тональности, а то у вас показания расходятся, как ноги у пьяной балерины.

Я перевела взгляд на мэра. Аркадий Петрович уже немного пришёл в себя, выпил воды и теперь пытался вернуть себе привычный лоск «отца города». Правда, мешал кусок петрушки, прилипший к смокингу, и нервный тик левого глаза.

– Светлана Игоревна, вы драматизируете, – мэр растянул губы в улыбке, от которой веяло могильным холодом. – Ну какие заложники? Какой захват? Это был... перформанс! Новогодний сюрприз! Зашли артисты, поздравили, раздали, так сказать, ментальные подарки...

– Ментальные подарки, – повторила я, записывая. – В виде принудительного изъятия средств связи и блокировки выходов шваброй. Оригинально. А что вы делали сорок минут в тишине? Медитировали?

– Мы... наслаждались моментом! – вклинился прокурор Виктор Викторович. Он потел так интенсивно, что под ним скоро должна была образоваться лужа, в которой можно разводить карпов. Он ослабил узел галстука и судорожно вытирал лоб салфеткой. – Это был, знаете ли, иммерсивный театр. Сейчас это модно. Погружение в атмосферу детства. Нас попросили вспомнить школьные годы...

– И написать сочинение, – подсказала я.

Прокурор побледнел и закашлялся.

– Э-э-э... Ну, это была шутка! Аниматоры, понимаете? Неудачная шутка плохих аниматоров. Мы, конечно, подыграли. Чтобы не портить праздник. Написали там всякую ерунду... Ха-ха! Про то, как в детстве яблоки воровали. Смешно же?

– Обхохочешься, – буркнул Коля, который стоял у стены и сканировал лица присутствующих через какое-то приложение на смартфоне. – У вас, гражданин прокурор, пульс сто сорок. Для воспоминаний о яблоках многовато. Либо яблоки были из сада президента, либо вы врётё.

– Ты как разговариваешь со старшим советником юстиции, щенок?! – взвизгнул прокурор, но тут же осёкся, встретившись взглядом с Сидорчуком.

Мой начальник сидел, ссутулившись, как побитый боксёр в углу ринга. Его лицо из багрового стало землистым. Он молчал, но это было то самое молчание, которое бывает перед взрывом ядерной боеголовки.

– Товарищ полковник, – я повернулась к нему. – Вы же понимаете, что я не могу оформить это как «визит аниматоров»? Сработала ваша тревожная кнопка. Группа захвата выехала. Мне нужно основание. Либо мы пишем заявление о похищении документов и незаконном лишении свободы, либо я пишу рапорт о ложном вызове, и вы платите штраф. И, боюсь, штрафом тут не отделаешься.

Сидорчук медленно поднял на меня глаза. В них плескался такой первобытный ужас, смешанный с яростью, что мне стало не по себе.

– Какой штраф, Истомина? – прошипел он. – Ты хоть понимаешь, что произошло? Это не аниматоры и не хулиганы.

Он встал. Стул с грохотом отлетел назад.

– Это покушение! – заорал он так, что хрустальные бокалы на столе жалобно звякнули. – Это спланированная, циничная атака на основы государственности! На вертикаль власти! Эти... эти двое в костюмах... Они же психологические террористы! Они топтали наш авторитет своими валенками!

– Так что они заставили вас писать, Семён Петрович? – тихо, но настойчиво спросила я. – Если это атака на государство, то документы, которые они забрали государственной важности? Секретные сведения? Коды запуска ракет? Планы эвакуации при нашествии зомби?

В зале повисла тишина. Мэр втянул голову в плечи. Судья, до этого молчавшая, вдруг всхлипнула и закрыла лицо руками.

– Я не могла иначе... Она так смотрела... У неё указка была... как у моей мамы...

– Кто «она»? – я подалась вперёд.

– Снегурочка! – выдохнула судья. – Она сказала: «Пиши, Валя, пиши правду, а то Дедушка Мороз рассердится и заморозит твои счета на Кипре». И я написала! Я всё написала! Про тот приговор по делу застройщика... Про дачу... Про шубу...

– Молчать! – рявкнул мэр, подпрыгивая на месте. – Валентина Ивановна, у вас истерика! Вы бредите! Никакой дачи нет! И шубы нет! Это метафора!

– Метафора из норки? – уточнила Лиза, которая всё это время старательно конспектировала этот бред в свой блокнот. – Красиво.

– Истомина! – Сидорчук стукнул кулаком по столу, да так, что опрокинул соусницу. Красный соус «ткемали» брызнул на его белоснежную рубашку, создавая эффект свежего пулевого ранения. – Заткни своего стажёра! Слушай приказ!

Он навис надо мной, дыша перегаром и паникой.

– В протоколе пишешь: «Группа неустановленных лиц, под видом культурно-массового мероприятия, совершила акт мелкого хулиганства». Украли... – он лихорадочно огляделся, – ...украли личные вещи!

– Какие? – я демонстративно подняла ручку.

– Салфетки! – выпалил мэр. – Коллекционные! С монограммами!

– И ложки! – подхватил прокурор. – Серебряные!

– И мои... мои творческие наброски! – выдавил Сидорчук, краснея до корней редких волос. – Я стихи пишу, в стол. Патриотические. Вот их и украли.

Я посмотрела на них. Четверо взрослых, облечённых властью людей. Они готовы были признать себя идиотами, жертвами ограбления века, потерпевшими от рук сумасшедших фанатов поэзии – кем угодно, лишь бы не признать правду.

– Значит, стихи, – медленно произнесла я. – Патриотические. И про дачу на Кипре – это тоже рифма такая была? «Кипр – клипер»?

– Не твоё дело, майор! – огрызнулся Сидорчук. – Твоё дело найти этот мешок. Перехватить! Изъять и уничтожить! Если хоть одна строчка из этих «стихов» попадёт в газеты или в интернет...

Он не договорил, но я и так поняла. Если эти «сочинения» всплывут, то Подольск останется без руководства быстрее, чем Титаник без пассажиров. Там, на этих вырванных из тетрадок листках было много чего интересного. Все взятки, откаты, «решённые вопросы» и маленькие грязные тайны большого города. И написали они это сами. Собственноручно. Под гипнозом страха перед чем-то, что было страшнее прокуратуры – перед совестью, воплощённой в образе школьной училки.

– Коля, – я повернулась к стажёру. – Свидетели врут. Потерпевшие путаются в показаниях. Начальство в неадеквате. Всё как мы любим.

– Классика, Светлана Игоревна, – кивнул Коля. – У прокурора давление уже сто шестьдесят. Если мы их сейчас не отпустим, у нас будет четыре трупа от инсульта.

– Граждане начальники, – я захлопнула папку. – Расходимся. Езжайте домой, пейте валерьянку. Мы будем искать ваших... коллекционеров стихов. Но учтите, если вы мне сейчас соврали про содержание бумаг, и я, не зная, с чем имею дело, вляпаюсь в историю... я сама напишу сочинение. На тему «Как я провела расследование». И отправлю его прямым в Москву.

Мэр поперхнулся водой. Сидорчук посмотрел на меня взглядом, в котором смешались ненависть и мольба.

– Ищи, Света, – хрипло сказал он, впервые за вечер назвав меня по имени. – Просто найди. Ради Христа. И ради моей пенсии.

– Ради пенсии – это святое, – усмехнулась я. – Лиза, Коля, на выход. У меня от этого сумбура уже мигрень.

Мы вышли из зала, оставив городскую элиту дрожать над остывшими омарами. В коридоре Лиза, которая всё это время сдерживалась, наконец выдохнула:

– Светлана Игоревна! Они же... они же реально написали явку с повинной! Все четверо!

– Ага, – я застёгивала куртку. – Самая массовая явка с повинной в истории МВД. И самое глупое ограбление.

– Почему глупое? – удивилась Лиза.

– Потому что вор украл не деньги, а правду, – философски заметил Коля, поправляя очки. – А правда в нашем городе – товар неликвидный. Её продать трудно, а вот убить за неё могут легко.

– Именно, Лебедев, – кивнула я. – Поэтому сейчас мы едем искать не Деда Мороза, а того, кто этот мешок может найти быстрее нас.

– Кого? – не поняли стажёры.

– «Орлов», – вздохнула я, доставая рацию. – Петров, Баширов, приём! Где вы шляетесь, дармоеды? У меня для вас есть задача. Искать мешок. Красный, с бумагой. И если найдёте не читать! Особенно стихи Сидорчука. Психика у вас и так слабая.

Из рации раздалось шипение и бодрый голос сержанта Петрова:

– Принято, товарищ майор! Мы как раз тут... э-э-э... изучаем следы на снегу! Похоже на оленей, но, возможно, это просто крупные собаки!

– Надеюсь, это не вы наследили, – буркнула я и толкнула тяжёлую входную дверь.

Ночь встретила нас колючим ветром. Где-то в этом городе бродил Дед Мороз с мешком компромата, способного взорвать Подольск похлеще атомной бомбы. И мне предстояло его найти, чтобы спасти тех, кого я с удовольствием посадила бы сама.

Ирония судьбы, чтоб её. Или, как сказал бы Сидорчук, «атака на государственность».

Глава 5. «Орлы» на задании. Операция «Сугроб»

На улице было холодно, темно и тоскливо, как в душе у человека, который осознал, что завтра понедельник. Ветер швырял в лицо колючую ледяную крошку, которая, казалось, задалась целью сделать мне бесплатный, но очень болезненный пилинг.

Я стояла возле своей «Нивы», кутаясь в воротник куртки, и наблюдала за работой элиты подольского сыска. Сержанты Петров и Баширов, мои верные «Орлы», прочёсывали периметр. Выглядело это так, словно два пингвина, объевшихся забродившей рыбой, пытались играть в прятки с невидимкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.